

Петербургский институт иудаики

ОЗЕРНАЯ ТЕКСТОЛОГИЯ

Труды IV летней школы
на Карельском перешейке
по текстологии и источниковедению
русской литературы

Поселок Поляны (Уусикирко)
Ленинградской области

2007

Немецкое стихотворение в русском переводе начала XVII в.

Известно, что «русская книжная поэзия возникла в первые годы XVII столетия, в Смутное время, когда был скомпрометирован вековой миропорядок, перетряхнута литературная среда и разрушена ее профессиональная замкнутость»¹. Вместе с тем «первые два десятилетия XVII в. дали, в сущности, весьма ограниченное количество стихотворного материала. Разысканные по сию пору стихотворения 1600–1620-х гг. можно буквально пересчитать по пальцам. Что касается общего массива рифмованных строк, то он довольно значителен, но это достигается, во-первых, благодаря рифмованной прозе, во-вторых, за счет богословского трактата князя И. А. Хворостинина (1300 стихов). Книжное стихотворство не сложилось в систему: в новой школе приходится начинать с азов, и ранние опыты отмечены печатью случайности»². Оставляя в стороне вопрос о выработке критериев разделения стихотворной и прозаической речи в начале XVII в., отметим лишь, что первые русские стихотворения представляют собой либо отдельные тексты (послания, предисловия, молитвы), либо значительные по размерам отрывки нестихотворных сочинений. Небольшие по объему зарифмованные фрагменты могут признаваться исследователями как стихотворными, так и не стихотворными текстами. Например, рифмованные строки в составе переведенного Ф. Гозвинским с польского «Тропника» (1609) папы Иннокентия III входят в современную антологию русской поэзии XVII в.³ или игнорируются исследователями, анализирующими творчество Гозвинского и специально рассматривающими принадлежащие ему стихотворения.⁴

Короткие зарифмованные периоды, имеющие столь же спорный статус, можно обнаружить в текстах, авторы которых никогда не назывались исследователями русской виршевой поэзии в числе первых русских стихотворцев и не известны особенной склонностью к употреблению рифм. Так, «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки», составленный Онисимом Михайловым Радищевским в первой четверти XVII в. и изданный лишь в 1777–1781 гг. В. Г. Рубаном, содержит главу «О указе славы и чести, кто сам себя хочет помнить» (№ 655):

Который великую славу и честь хочет имети,
И тому доведется всегда много бдети,
В своем чину и приказе поздно и рано
Мужественно оружие носить на своей раме.

В издании Рубана этот текст не сегментирован, помещен внутри нестихотворного трактата и кажется скорее рифмованной прозой, чем стихотворением. «Невыделенность» рифмованной главы объясняет отсутствие к ней внимания со стороны специалистов по истории русской поэзии. В поле зрения исследователей-гуманитариев оказываются, как правило, предисловия и послесловия к подобным сочинениям, сами трактаты интересуют их значительно реже. Мало кто из историков русской литературы штудировал «Книгу, учащую морскому плаванию» (1700) А. Деграфа, «Новейшие основания и практику артиллерии» (1709) Э. Брауна или «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» (1647) И. Я. фон Вельсхаузена, в то время как ссылки на предисловия и послесловия к этим книгам встречаются во многих современных исследованиях⁵.

В предисловиях Радишевского к изданным им книгам может вызывать сомнение не только стихотворное происхождение отдельных парных двустушии, но и само намерение автора использовать рифму. Так, в предисловии к «Уставу церковному» (М., 1610) обнаруживается следующее «четверостишие»: «...в сей же не по́ткнется, но паче спасется, иже благую часть избирает, от него ся не отнимает»⁶, и здесь в слове «по́ткнется» ударение стоит на первом слоге. Правда, в данном случае нельзя исключать возможность ошибки, тем более, что в текстах Радишевского рифмы хоть и не очень часто, но встречаются. То же предисловие к «Уставу церковному» заканчивается фрагментом, содержащим нечто вроде опоясывающей рифмы: «...ему же буди благодарение по достоянию, честь, и слава, и держава, и всяко поклонение на небеси и на земли...»⁷.

В примерах из предисловия к «Уставу церковному» рифмованные фрагменты неотделимы от основного текста, являются краткими стихоподобными вкраплениями (термин В. Е. Холшевникова⁸), а возможно, и совершенно случайными созвучиями. В то же время рифмованный текст из воинской книги Радишевского представляет собой особую главу, тематически отличающуюся от остальных, как правило, пространных, узкопрофессиональных и не имеющих отношения к «славе и чести» разделов. Отметим, что в русских книгах XVII — начала XVIII в. рассуждения на «рыцарскую» тему отличаются особой эмоциональной приподнятостью, и рифмы в этих фрагментах встречаются

ся достаточно часто. Так, например, в предисловии к «Учению и хитрости ратного строения пехотных людей» Вельхаузена отмечается, что в прежние времена «германы» «гонялися за рыцерскими чювствами, и днем и ночью о том мыслили, как бы им рыцерственно учинити и чести и славы себе получитьи».⁹

Естественно, большинство сочинений, содержащих подобные пассажи, представляют собой переводы европейских воинских книг. Другой пример — «Краткое описание о войнах из книг Цезариевых» (1711) А. Роана, где, между прочим, отмечается, что «сице чиня себе товарищам своими средними салдаты в бедах и трудах засталися они владетелями над болшею частию света и получили славу безсмертную»¹⁰, или «ремесло или художество воинское есть из всех тое, которое приносит наиболее чести человеку, оное добре управляющему, но також он получит наиболее безчестия, ежели оное худо управляет»¹¹.

Известно, что одним из источников книги Радишевского также является немецкая воинская книга, «Kriegsbuch», вышедшая в 1571—1573, 1578 и 1596 гг. (в последний раз этот трактат печатался в начале XIX в.) и составленная ульмцем, поставщиком провианта для войск императора Максимилиана Леонардом Фроншпергером¹². В немецких изданиях указанное стихотворение читается, но, в отличие от русского «четверостишия», напечатано либо в конце (в издании 1573 г.), либо в начале (в издании 1596 г.) книги. В издании 1596 г. стихотворный текст значительно расширен (практически идентичным в изданиях 1673 и 1596 гг. является лишь первое двустишие, с него же начинается и 655-я глава книги Радишевского). В первом издании указанное стихотворение состоит из двух четверостиший, первое из которых напечатано над, а второе под портретом Фроншпергера. Весьма вероятно, что первое четверостишие является источником текста, помещенного в русском трактате (хотя точно определить, какое из немецких стихотворений было в распоряжении русского переводчика, можно только после специального исследования). Немецкий текст в издании 1573 г. выглядит следующим образом:

Welcher lob und ehr haben wil,
Derselb allzeit muss wachen viel
In seinem Ampt früh und auch spat
Ein Ernst für ihm zutragen hat...

Став рифмованной главой в уставе Радишевского, стихотворение из книги Фроншпергера изменило статус. Как представляется, причины этой метаморфозы можно установить лишь после тщательного

сопоставительного анализа книги Радишевского, перевода труда Фроншпергера, выполненного в 1606–1607 гг. «немецкими двема переводчиками» Михаилом Юрьевым и Иваном Фоминым, и самого немецкого источника. Не вполне понятно, использовал Радишевский при составлении своего трактата немецкий текст или перевод Юрьева и Фомина. А. И. Соболевский предполагал, что «Онисим Михайлов, по-видимому, имел в руках труд Юрьева и Фомина... но, пользуясь им, он постоянно справлялся с немецким оригиналом»¹³, в свою очередь современный исследователь АН. Лобин утверждает, что книга Радишевского — «второй вариант перевода» труда Фроншпергера¹⁴. Каждое из этих предположений нуждается в проверке.

В то же время явно недостаточно исследованы не только взаимоотношения книги Радишевского и ее источников, но и первый русский перевод немецкой книги. Так, точно не установлено, была ли Юрьевым и Фоминым переведена вся книга Фроншпергера или отдельные ее части и что представляют собой известные рукописи этого сочинения. По мысли А. И. Соболевского, перевод первой части книги Фроншпергера хранится в Казани, второй части — в Петербурге (РНБ — «Воинская книга» — Ф. IX.19; указание на то, что этот манускрипт — перевод второй части сочинения Фроншпергера, содержится в самой рукописи). Того же мнения придерживается автор статьи об Иване Фомине в Словаре книжников и книжности Древней Руси О. А. Белоброва. В свою очередь автор монографии, посвященной Радишевскому, Е. Л. Немировский полагает, что рукопись, хранящаяся в Казани, является более полным переводом книги Фроншпергера, нежели рукопись, хранящаяся в Петербурге; по всей видимости, здесь имеется в виду перевод всей немецкой книги, а не отдельных ее частей¹⁵. Наконец, по мнению А. Н. Лобина, «царь Василий Шуйский указал... перевести толмачам М. Юрьеву и И. Фомину вторую часть трехтомного труда Л. Фронспергера “Das Kriegsbuch”¹⁶, и в Казани и в Петербурге хранятся переводы только этой части немецкой книги. Немногочисленные исследователи перевода книги Фроншпергера обращались, как правило, к «петербургской» рукописи, «казанская» рукопись была описана А. И. Артемьевым в XIX в. и требует дополнительного исследования¹⁷. Больше того, в настоящее время неизвестно, было ли интересующее нас стихотворение переведено Юрьевым и Фоминым, и Радишевский использовал уже готовый рифмованный текст, или русский перевод принадлежит самому Радишевскому (отметим, что в переводе Юрьева—Фомина, хранящемся в РНБ, этот стихотворный текст отсутствует).

Таким образом, открытым остается не только вопрос о причинах превращения немецкого стихотворения в рядовую главу русского трактата, но и об авторе стихотворного перевода, и о времени его создания. Нам известно лишь, что перевод немецкого стихотворения из книги Фроншпергера читается в воинской книге Радишевского, однако уже этот факт позволяет сделать некоторые предположения относительно бытования в русском стихотворстве «эпохи начал» переводов западноевропейских стихотворных текстов. В таком случае проблемы датировки и атрибуции интересующего нас текста становятся темой отдельной работы и для настоящего исследования приобретают второстепенное значение.

«О указе славы и чести» — единственная зарифмованная глава во всей книге Радишевского, и только рифма указывает на стихотворное происхождение этого отрывка (отметим попутно, что парная рифма используется здесь не только в соответствии со складывающейся русской виршевой традицией, но и вслед за немецким стихотворным оригиналом). Перестав быть графически выделенным поэтическим текстом и оказавшись внутри нестихотворного трактата, состоящая из двух виршей 655-я глава, как отмечалось выше, приобретает сходство, хоть и весьма относительное, с характерными для русской литературы начала XVII в. стихоподобными вкраплениями в нестихотворный текст.

В то же время известно, что в первой половине XVII в. графическое выделение не являлось обязательным признаком стихотворного текста: в строку записано несомненно стихотворное предисловие к «Кирилловой книге» (М., 1644), зарифмованный текст врывается в антилютеранский трактат Ив. Наседки¹⁸ (ср. с наблюдением, А. М. Панченко: «Стихотворный текст у Наседки формально не отделяется от прозы, он возникает неожиданно и обрывается внезапно. В этом смысле Наседка — прямой наследник таких писавших рифмованной прозой авторов, как составитель «Иного сказания» или Авраамий Палицын»¹⁹). Надо отметить, что даже чрезвычайно распространенный в ранней русской поэзии акростих не предполагал обязательной сегментации стихотворного текста: в том же предисловии к «Кирилловой книге» каждое записанное в строчку двустипшие отделено от другой рифмованной пары и начинается с киноварной буквы. Акростих же, естественно, читается по первым буквам каждого стиха: нечетная буква — киноварная, четная — «рядовая», находящаяся посередине стихотворного фрагмента.

В свою очередь превращение «правильного» европейского стихотворения в одну из глав нестихотворного русского трактата было воз-

можно лишь в начале XVII в., в эпоху зарождающейся книжной виршевой поэзии, когда «стихотворство... еще не сложилось в систему, обособленную от прозы»²⁰. Характерно, что в самой книге Фроншпергера стихотворения встречаются, но записаны «в столбик» и составляют особый раздел. Весьма вероятно, что перевод немецкого стихотворения из книги Фроншпергера XVI в. «адаптировался» к условиям складывающегося русского стихотворства и приобрел черты еще «не отделенного от прозы» русского виршевого стихотворения начала XVII в.

Повторим, что нам не известны причины, побудившие русского автора изменить статус немецкого стихотворения в русском трактате, кроме того, в нашем распоряжении находится всего лишь один западноевропейский стихотворный текст, переведенный в России в начале XVII в. и вписавшийся в русскую стихотворную систему «эпохи начал». Поэтому предположение о специфике бытования переводных европейских стихотворных текстов в русской литературе начала XVII в. остается всего лишь гипотезой, требующей дальнейшего подтверждения. Несомненно же, что в русском стихотворстве первой четверти XVII в. обнаруживается не только общая ориентация на поэзию Польши и Украины, но и конкретная переводческая работа с западноевропейскими (а не польскими) стихотворными текстами. При этом существование русского перевода немецкого стихотворения позволяет пересмотреть некоторые аспекты русско-европейских, точнее, русско-немецких литературных взаимоотношений в первой половине XVII в.

Хорошо известно, что в 1630-х гг. поэт так называемой «приказной школы» и «малый» посол в Персию Алексей Романчуков стал «автором первых стихотворных текстов, свидетельствующих о влиянии на него «круга Олеария»²¹, членов голштинского посольства в Персию в 1637–1639 гг. Круг этот включал, кроме самого Олеария, посланника Крузиуса, переводчика Арпенбека, доктора Г. Граммана (чьи стихи напечатаны в предисловии к изданию 1647 г. «Путешествия» А. Олеария²², и в альбоме которого читаются русские вирши) и знаменитого поэта немецкого барокко П. Флеминга. Принято считать, что с этого события начинаются русско-немецкие поэтические контакты, не случайно цитировавшаяся статья С. И. Дубинина посвящена «самарским» сонетам П. Флеминга и *истокам* русско-немецких литературных связей. Однако минимум за 17 лет до того, как члены голштинского посольства «могли оказать определенное влияние на Романчукова»²³, русско-европейские поэтические связи уже возникли, и немецкое

стихотворение стало источником одного из первых русских виршевых текстов.

Благодаря прежде всего работам А. М. Панченко и В. К. Былинина, русская стихотворная культура в ее досиллабический период исследована тщательно и всесторонне, но, как выясняется, изучение этой темы отнюдь не закончено: расширяется корпус ранних русских стихотворений, обнаруживаются новые факты русско-европейского поэтического диалога и, что является отдельным, ранее неизвестным направлением исследования виршевой поэзии, открываются некоторые закономерности восприятия европейских стихотворных текстов русскими переводчиками начала XVII в.

Примечания

- ¹ Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л.: Наука, 1973. С. 26.
- ² Там же. С. 29.
- ³ Виршевая поэзия (первая половина XVII в.). М.: Советская Россия, 1989. С. 25.
- ⁴ Тарковский Р. Б. Государев толмач Федор Гозвинский и его перевод басен Эзопа // Вестник Ленинградского университета. Серия истории, языка и литературы. № 14. Вып. 3. Л., 1966; Панченко А. М. Указ. соч. С. 31.
- ⁵ Николаев С. И. Литературная культура Петровской эпохи. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. С. 86–87; Демин А. С. О художественности древнерусской литературы. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 316.
- ⁶ Устав церковный. М., 1610. Л. 6 об.
- ⁷ Там же. Л. 11.
- ⁸ Холшевников В. Е. Стихovedение и поэзия. Л.: изд-во Ленинградского университета, 1991. С. 26.
- ⁹ Вельхаузен И. Я. Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. М., 1647. Л. 18.
- ¹⁰ Роан А. Краткое описание о войнах из книг Цезариевых с некоторыми знатными приметы о тех войнах со особливим о войне разговором. М., 1711. С. 209.
- ¹¹ Там же. С. 382.
- ¹² Немировский Е. Анисим Михайлов Радишевский. Около 1560, около 1631. М.: Наука, 1997. С. 100, 107. А. И. Соболевский вслед за П. О. Бобровским отмечал, что «оригинал первой части этого огромного труда (об обозах, станах, мостах, об осаде, о сиденье в осаде и т. п.) нам неизвестен, оригинал второй части (об артиллерии, изготовлении пороха и т. п.) — вторая часть... книги Fronsperger'a» (Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. Библиография литературы // Сборник отд. рус. яз. и словесности. 1903. Т. 74. С. 105.

- ¹³ Соболевский А. И. Указ соч. С. 105.
- ¹⁴ http://history.pu.ru/biblioth/hist_sci/2001/items.htm#013
- ¹⁵ Немировский Е. Л. Указ. соч. С. 93, 95.
- ¹⁶ http://history.pu.ru/biblioth/hist_sci/2001/items.htm#013
- ¹⁷ Артемьев А. И. Описание рукописей, хранящихся в библиотеке императорского Казанского университета//Летопись занятий Археографической комиссии. 1876—1877. Вып.7. Отд. 3. СПб., 1884. С. 66—70.
- ¹⁸ Точно так же этот фрагмент записан в главе «О Люторе и его ереси», входящей в сборник повестей и антилютеранских полемических сочинений — РГБ, ф. 310. № 602. Л. 69—75.
- ¹⁹ Панченко А. М. Указ. соч. С. 32.
- ²⁰ Там же. С. 33.
- ²¹ Дубинин С. И. Самарские сонеты Пауля Флеминга и истоки русско-немецких литературных связей//Немцы в России: Проблемы культурного взаимодействия. СПб., 1998. С. 31.
- ²² Там же.
- ²³ Там же.